

УДК 37.014.1

**СВОБОДА ПРЕПОДАВАНИЯ И ТВОРЧЕСТВА
В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

© 2016 г.

М.В. Ростова

Приокский государственный университет, Орел

konst-kafedra@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2015

Исследуются проблемы взаимосвязи конституционной свободы преподавания и творчества с другими конституционными правами и свободами человека и гражданина. Автор доказывает, что государство в условиях демократического общества и конституционной организации власти должно предпочитать форму профессионального самоуправления прямому государственному управлению высшим образованием. Юридический смысл ч. 1 ст. 44 Конституции РФ предполагает, что законодатель и правоприменитель должны исходить из презумпции добросовестности образовательных организаций и их профессорско-преподавательского состава, надлежащего качества предоставляемых ими образовательных услуг, если иное не доказано неопровержимым образом в соответствующей юрисдикционной процедуре.

Ключевые слова: свобода преподавания, право на образование, свобода творчества, неприкосновенность частной жизни, защита конституционных прав и свобод.

Часть 1 ст. 44 Конституции РФ находится в органической взаимосвязи с другими элементами системы прав и свобод человека и гражданина: свободой совести и вероисповедания (ст. 28), свободой мысли и слова (ч. 1 ст. 29), правом на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации (ч. 4 ст. 29), правом на образование (ст. 43) и т.д. Примечательно, что в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина имеется ряд проблемных областей «пограничного характера», при которых сложно (особенно – в судебной практике) точно квалифицировать, какое именно право или свобода ограничены или нарушены вследствие возникновения соответствующего конституционного правоотношения. В связи с этим уместно обратить внимание на проблему соотношения, с одной стороны, свободы преподавания и творчества, с другой – права на уважение частной жизни.

Статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод обеспечивает реализацию одновременно «частной жизни», «семейной жизни», неприкосновенности «жилища» и «корреспонденции». По смыслу ст. 8 Конвенции все это охватывается общим понятием «уважение частной и семейной жизни». Российское конституционное регулирование придерживается несколько иной методологии: признается «неприкосновенность» лишь «частной жизни» (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ); семейные правоотношения защищаются посредством института «тайны» (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ);

корреспонденция также защищается с помощью «тайны», в буквальном смысле она не пользуется «неприкосновенностью» (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ). Что касается неприкосновенности жилища – в российском конституционном праве это самостоятельное субъективное право, которое не охватывается институтом «уважения частной жизни».

При подобных расхождениях в методологии правового регулирования защиты прав и свобод человека и гражданина нетрудно убедиться, что свобода преподавания и творчества по смыслу Конвенции в большей степени «увязывается» с правом на уважение частной жизни, чем это следует из положений Конституции РФ. Европейский суд по правам человека склонен к расширительному толкованию понятия «частная жизнь» (что, во всяком случае, не может рассматриваться в качестве правовой ценности, находящейся в прямой связи с «семейной жизнью») [1, с. 11–15]. Свобода преподавания и творчества, очевидно, не проявляет себя в рамках «семейной жизни», однако во многих случаях она «пересекается» с правом на уважение частной жизни.

Об этом свидетельствуют многие прецеденты Европейского суда по правам человека, в которых утверждалась неразрывная связь «частной жизни» с правом на установление отношений с внешним миром (дело «Нимитц против Германии»), пониманием права на частную жизнь в «общественном контексте», правом на самоопределение и самостоятельность личности

(дело «Претти против Соединенного Королевства»), правом на идентичность (дела «Чуботару против Молдовы», «Чэмпэн против Соединенного Королевства»), правом на репутацию (дела «Пфайфер против Австрии», «Петрина против Румынии»), правом на моральную неприкосновенность, защитой информации личного характера (дело «Амман против Швейцарии»), запретом увольнения с работы по основаниям, имеющим отношение к частной жизни (дело «Озпынар против Турции»), особым режимом использования средств скрытого наблюдения за поведением индивидов (дело «Узун против Германии»). Следует подчеркнуть, что свобода преподавания и творчества, во всяком случае, предполагает, что преподаватель как творческий деятель в процессе разработки учебных курсов имеет право на невмешательство извне, на определенную связь с внешним миром, на самоопределение в своей научной позиции, на идентичность как свободного научного исследователя, на деловую репутацию, на запрет информационного вмешательства и т.д. Те же основания, только в меньшей степени и с большим объемом правовых ограничений, гарантируются в механизме реализации свободы преподавания и творчества в процессе непосредственного общения педагога и обучающихся (чтение лекций, ведение практических занятий, академический контроль над успеваемостью).

Разумеется, преподавательскую деятельность строго нельзя отнести к «частной жизни». Преподавание всегда имеет общественный контекст, а частная жизнь педагога должна быть, по возможности, отделена от его публичной деятельности в качестве преподавателя, который осуществляет систематизированное воздействие на мировоззрение обучающихся (многие из которых еще не способны к самостоятельному мышлению). Вместе с тем практика Европейского суда по правам человека, предпочитающая расширительное истолкование понятия «частной жизни», неизбежно затрагивает ряд важнейших конституционно-правовых аспектов свободы преподавания и творчества. Это проявляется и в достаточно четком запрете (ч. 2 ст. 8 Европейской конвенции) незаконного и необоснованного вмешательства *со стороны государственных органов* в осуществление этого права; и в самой формулировке наименования ст. 8 Конвенции, согласно которой частная жизнь (одновременно с этим – преподавание и творчество) имеют скорее «право на уважение», чем «право на свободу» или просто «свободу».

Профессорско-преподавательский состав вузов, на наш взгляд, нуждается именно в «уважении» их профессионального мастерства, точ-

ки зрения, выбранной методики обучения и проверки его результатов, а не в абстрактной «свободе» преподавания, которая весьма существенным образом ограничивается самим профессиональным сообществом по критерию научных и педагогических достижений преподавателей, образующих сложную иерархию должностей, ученых степеней и ученых званий.

Право на уважение их профессиональной деятельности, разумеется, предполагает определенную свободу, под которой прежде всего понимается «запрет вмешательства со стороны государственных органов», а не свобода как таковая. В частности, в преподавательскую деятельность ассистентов, преподавателей и доцентов могут и должны «вмешиваться» профессора, обладающие большим научным опытом и профессиональным достоинством. Государство в условиях демократического общества и конституционной организации власти должно *предпочитать* данную форму профессионального самоуправления *прямо* государственному управлению высшим образованием.

В этом контексте методика защиты конституционного права на уважение частной жизни весьма близка формам и способам реализации академических прав и свобод. Частная жизнь граждан и профессиональная деятельность преподавателей вузов (несмотря на их разные сферы юридического действия) в равной мере нуждаются в защите от чрезмерного государственного вмешательства, мотивированного государственным суверенитетом без учета конституционного принципа свободы гражданского общества.

Свобода преподавания и творчества органически связана с конституционной свободой мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ). Данная взаимосвязь проявляется следующим образом: в одних случаях свобода преподавания и творчества представляет собой одну из форм выражения свободы мысли и слова (об этом свидетельствуют положения частей 3–5 ст. 29 Конституции РФ: преподаватель, как и любое другое физическое лицо, не может быть принужден к выражению своих мнений, убеждений или отказу от них, он вправе свободно искать, получать, передавать, производить научную информацию и данные педагогического содержания любым законным способом, запрещена цензура в образовательной деятельности); в других случаях – свобода преподавания и творчества демонстрирует самостоятельное значение, включая в себя не только правомочие свободы «научно-педагогической» мысли и «научно-педагогического» слова. В связи с этим важно подчеркнуть, что правоограничения, касающиеся свободы мысли и слова, безусловно, распростра-

няются на механизм реализации свободы преподавания и творчества, однако ими ограничения данной свободы не исчерпываются.

Статья 29 Конституции РФ имеет уникальную конструкцию в том смысле, что в ней, в отличие от большинства других статей главы 2 Конституции РФ, дается свой собственный перечень правоограничений, не являющийся тождественным ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Избранная в ст. 29 Конституции РФ методология конституционно-правового регулирования ближе к концепции Конвенции о защите прав человека и основных свобод, чем это принято в целом в Конституции РФ. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ дает основания для ограничений всех прав и свобод человека и гражданина одновременно, тогда как в Конвенции мы обнаруживаем свой собственный перечень правоограничений применительно к каждому из регулируемых прав и свобод. Статья 29 Конституции РФ (дополнительно к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, детализируя ее содержание) запрещает пропаганду и агитацию, которые возбуждают ненависть, вражду либо направлены на «превосходство» по социальному, расовому, национальному, религиозному или языковому признакам. Эта же статья Конституции РФ вводит правоограничение в виде «государственной тайны». Очевидно, что данные запреты распространяются на творческую и преподавательскую деятельность в полной мере. При этом практика Европейского суда по правам человека демонстрирует ряд особенностей в трактовке понятий «мысль» и «мнение», в том числе применительно к исследуемой области свободы преподавания и творчества.

Подчеркнем, что Европейская конвенция различает «свободу мысли, совести и религии» (ст. 9) и право на выражение мнения (ст. 10). Свобода преподавания и творчества включает в себя и свободу мысли педагогов, и свободу их слова (право на выражение мнения), и свободу их совести и религии, что в конституционном праве России признается в качестве самостоятельного субъективного права (ст. 28 Конституции РФ), распространяющего свое действие на деятельность образовательных организаций. При этом Страсбургский суд в своей прецедентной практике неоднократно подчеркивал различия между правовыми категориями «убеждения» и «мнение». В отличие от «мнения», «убеждение» характеризуется достаточной степенью «убедительности, серьезности, последовательности и важности».

В частности, Европейский суд квалифицировал в качестве «убеждений» присущие жизненной философии человека концепции пацифизма (дело «Эрроусмит против Соединенного Коро-

левства»), атеизма (дело «Анжелени против Швеции»), а также коммунизма и других «политических идеологий» (дело «Хазар, Хазар и Асик против Турции»). В связи с этим подчеркнем, что конституционный смысл свободы преподавания и творчества предполагает прежде всего свободу «убеждений» профессорско-преподавательского состава вузов, а не столько их «мнений». Последние (т.е. мнения) чаще всего высказываются журналистами, публикой, широкой массой граждан, которые не проводили тщательных научных исследований теоретических проблем и не формировали концептуальных подходов к изучаемым объектам. Ученые и преподаватели вузов, даже если и высказывают «мнения», то чаще всего они опираются на предварительный научный анализ окружающей действительности (что в результате является скорее «убеждением» в юридическом смысле вследствие его убедительности, серьезности, важности и последовательности). Таким образом, свобода преподавания и творчества охватывается в большей степени нормативным содержанием ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, чем ст. 10 данной Конвенции. Об этом свидетельствует и практика Страсбургского суда.

Так, в деле «Ломбарди Валлаури против Италии» Европейский суд рассматривал обращение преподавателя университета, в котором заявитель проработал более 20 лет, с ходатайством о признании противоправными действий руководства университета, которое не продлило контракт с данным преподавателем по мотиву расхождения его «взглядов» с «религиозной доктриной университета». Признавая нарушение Конвенции, Суд аргументировал это тем, что суду не были представлены разъяснения, какие именно взгляды заявителя могли повлиять на интересы университета. Из данной правовой позиции следует, что само по себе расхождение подобных интересов возможно, и при надлежащей аргументации Суд мог бы разрешить дело не в пользу заявителя. Однако с точки зрения академических прав и свобод здесь, на наш взгляд, не было нарушения, т.к. университет вправе иметь собственную «доктрину» (миссию, концепцию и т.п.), которую, во всяком случае, обязаны принимать и уважать его преподаватели, если они намерены состоять в трудовых отношениях с университетом. В данном случае не было вмешательства государства в вузовскую автономию, конфликт убеждений наблюдался между образовательной организацией и ее отдельным преподавателем.

Вместе с тем в ряде других прецедентов (например, в деле «Димитрас и другие против Гре-

ции») Европейский суд по правам человека придерживался другой позиции, опирающейся на принцип *forum internum*. Смысл этого принципа состоит в предотвращении идеологической обработки человека государством, в поддержке культурного многообразия, в предоставлении возможности преподавателям придерживаться определенных личных мыслей, их развивать и менять без вмешательства извне. Сама суть Европейской конвенции, как многократно подчеркивал Страсбургский суд, состоит в «плюрализме и взаимной терпимости» (дело «Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии»), «плюрализме, терпимости и непредвзятости» (дело «Баятян против Армении»). Таким образом, и в гражданском обществе, и в профессиональной преподавательской среде должны быть исключены злоупотребления господствующим положением и предоставлены возможности гражданам служить обществу так, как диктует им их совесть. В этом состоит органическая связь свободы преподавания и творчества, с одной стороны, и свободы мысли и слова – с другой.

Механизм реализации свободы мысли, совести и религии по смыслу ст. 9 Европейской конвенции (с точки зрения исследуемого порядка защиты свободы преподавания и творчества) еще примечателен тем, каким образом Европейский суд по правам человека трактует «необходимость в демократическом обществе» в качестве основного критерия допустимости тех или иных ограничений прав и свобод граждан. Как отмечалось выше, свобода преподавания и творчества не является абсолютной. Государство может и должно вмешиваться в данную свободу, если это обусловлено целью защиты прав и законных интересов других лиц либо является «необходимым в демократическом обществе». Страсбургский суд подчеркнул, что прилагательное «необходимый» в данном контексте не обладает гибкостью таких прилагательных, как «допустимый», «обычный», «полезный», «разумный» или «желательный». Под «необходимостью» понимается «обязательность» или, точнее, наличие «насущной общественной потребности» (дело «Каккинакис против Греции»). Это означает, что государственное вмешательство в свободу преподавания и творчества должно иметь экстраординарный характер и может быть обусловлено не просто «полезностью» или «желательностью». Лишь при наличии весьма «насущной общественной потребности» (мир, безопасность, пресечение экстремизма, национальной розни, религиозной нетерпимости и т.п.) государство вправе ограничить свободу преподавания и творчества (при-

чем ограничить ее соразмерно целям правоограничения), в других случаях оно обязано воздерживаться от какого-либо вмешательства в вузовскую автономию. Во всяком случае, в той мере, в какой свобода преподавания и творчества сопряжена с реализацией профессорско-преподавательским составом вузов свободы их научной мысли и совести.

Свобода преподавания и творчества имеет весьма неоднозначную связь с конституционным правом на образование (ст. 43 Конституции РФ), что во многом обусловлено многообразием доктринальных и легальных трактовок понятий «образование» и «право на образование». В целом анализ научных публикаций по данной теме позволяет, с известной степенью условности, подразделить высказанные теоретико-методологические позиции авторов на две группы. Первая из них позиционирует право на образование обособленно от свободы преподавания и творчества вплоть до их противопоставления (свобода преподавания и творчества препятствует реализации права на образование либо ограничивает это субъективное право). Вторая группа авторов полагает, что свобода преподавания и творчества (академические свободы, автономия образовательных учреждений) является органическим компонентом демократической системы образования, вне которой полноценная реализация конституционного права на образование не представляется возможной. Примечательно, что одни и те же авторы, зачастую, в различных своих публикациях придерживаются одновременно и первого, и второго подходов, которые в действительности взаимно исключают друг друга.

С.Л. Серегина в диссертации «Конституционное право на высшее образование в Российской Федерации» сформулировала группу правомочий, которые характеризуют, по мнению автора, конституционную сущность субъективного права на высшее образование. В их числе правомочия: выбора образовательной организации, участия в конкурсе для поступления, выбора и изменения формы обучения, одновременного обучения в нескольких вузах, приобретения статуса студента (с вытекающими из этого правами и обязанностями обучающихся), получения знаний в соответствии с государственными стандартами (чему корреспондируют обязанности вуза осуществлять обучение квалифицированными кадрами, соблюдать стандарты и т.д.), прекращения обучения и восстановления в вузе [2, с. 9, 68], а также возможности эффективной защиты и восстановления в правах. В связи с этим примечателен опыт Саратова, где в свое время в школах и вузах были

введены уполномоченные по защите прав участников образовательного процесса, которые, однако, концентрировали свою деятельность скорее на обеспечении и реализации прав обучающихся, чем свободы преподавания и научного творчества [3, с. 38].

При всей полноте разработанной автором структуры правомочий, характеризующих конституционный смысл права на образование, в этой структуре не выражаются каким-либо образом академические права профессорско-преподавательского состава вузов и автономия образовательных организаций. Кроме того, вызывает сомнение позиция автора, согласно которой студенты имеют право на «получение» знаний. Скорее – это обязанность студентов, которая корреспондирует праву профессорско-преподавательского состава осуществлять учебный процесс в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов, достижениями современной науки, предпочтениями данной учебно-методической школы и личным видением каждого из преподавателей той или иной учебной дисциплины.

По мнению О.А. Тепляковой, право на образование представляет собой «совокупность субъективных прав» человека, возникающих в процессе «его» целенаправленного обучения и воспитания, чему соответствуют встречные обязанности государства по «адресному обеспечению» в отношении «каждого человека» [4, с. 11]. О.Н. Столбушинская определяет право на образование в контексте «возможности лица получить» образование в соответствующих организациях «в пределах и порядке», установленных законом, а также «возможность требовать» от государства, его органов и образовательных организаций «создания условий для получения образования» [5, с. 10].

Точки зрения вышеуказанных авторов объединяет понимание конституционной сущности права на образование, исходя из презумпции «недостаточной качественности», «низкой эффективности», «нарушений государственных стандартов» и «ненадлежащего качества профессорско-преподавательского состава» вузов, что якобы возникло вследствие роста в постсоветской России количества образовательных организаций высшего профессионального образования (особенно – негосударственных вузов) без их обеспечения соответствующей материально-технической базой и необходимыми педагогическими кадрами. Прочитированные авторы солидарны в том, что конституционному праву на образование корреспондирует обязанность государства преодолеть названные тенденции, обеспечить качество образовательных

услуг и эффективность деятельности вузов. Однако юридический смысл ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, на наш взгляд, состоит в противоположном суждении, а именно: законодатель и правоприменитель должны исходить из *презумпции добросовестности образовательных организаций и их профессорско-преподавательского состава, надлежащего качества предоставляемых ими образовательных услуг*, если иное не доказано неопровержимым образом в соответствующей юрисдикционной процедуре.

Этой точки зрения придерживаются многие другие авторы. Н.В. Третьяк в своем исследовании конституционного права на образование в современной России, признавая тенденцию развития «административно-правовых мер защиты и гарантирования права на образование», тем не менее, утверждает, что конституционно-правовой аспект в регулировании и защите права на образование ограничивается требованиями общей доступности и обязательности (для образовательных организаций, не являющихся вузами) либо, напротив, одинаковой доступности и необязательности обучения (организации высшего образования). Кроме того, конституционное регулирование содержит ряд общих требований, связанных с *направленностью* обучения на *творческое развитие личности*, на обеспечение многообразия форм образования, сочетание платности и бесплатности обучения [6, с. 9]. При такой трактовке сущности конституционного права на образование, академические права вузов и их профессорско-преподавательского состава не только не отрицаются, но даже и отчасти гарантируются согласно требованиям ст. 43 Конституции РФ. С точки зрения М.В. Смирновой, необходимо разделять «конституционно-правовое наполнение правоотношений» по получению образования, «административно-правовой порядок» контроля и надзора над образовательной деятельностью, а также «гражданско-правовую оболочку» оформления соответствующих правоотношений [7, с. 9].

Понимание права на образование преимущественно в контексте прав обучающихся, которым не созданы условия, которые поправны в правах, которые нуждаются в дополнительной защите и т.п., – представляет собой весьма спорную конституционно-правовую концепцию, которая упускает из внимания главный «стержень» образовательного и воспитательного процессов в вузе – профессорско-преподавательское сообщество, которое не следует безоговорочно обвинять в некомпетентности, неэффективности, нарушении государственных требований и стандартов. Подобные явления, безусловно, могут иметь место, однако они нуж-

даются в соответствующих доказательствах. Презумпция недобросовестности субъекта конституционных правоотношений (в данном случае – вуза, факультетов, кафедр, преподавателей), с нашей точки зрения, является чуждой самому смыслу конституционно-правового регулирования общественных отношений, нарушает конституционное право на достоинство (ст. 21 Конституции РФ). В какой-то степени подобная презумпция еще может быть применима к деятельности государственной власти (концепция прав человека предполагает повышенные публично-правовые обязательства государства), однако и в этом случае Конституционный Суд РФ поддерживает презумпцию конституционности, законности и добросовестности в деятельности органов государства. Тем более подобная презумпция не может быть применима к субъектам гражданского общества, каковыми являются преподаватели образовательных организаций и вузовское сообщество в целом. В связи с изложенным, по нашему мнению, право на образование должно толковаться в сравнительно узком смысловом значении (право на доступ к образованию и ряд связанных с этим правомочий), что не должно ставить под сомнение действие других конституционно-правовых институтов и конституционных прав, в особенности – свободы пре-

подавания и творчества, автономии вузов, плюрализма в образовательной деятельности, демократической системы государственного управления образованием в целом.

Список литературы

1. Роанья И. Защита права на уважение частной и семейной жизни в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Воронеж: Элист, 2014.
2. Серегина С.Л. Конституционное право на высшее образование в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
3. Ландо А.С. Об опыте работы Уполномоченного по правам человека в Саратовской области // Защита прав человека в Поволжском регионе: опыт и перспективы. СПб. – Саратов: Норма, 2001.
4. Теплякова О.А. Конституционное право на образование и его обеспечение в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.
5. Столбушинская О.Н. Защита права на образование по гражданскому законодательству Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
6. Третьяк Н.В. Конституционное право на образование в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
7. Смирнова М.В. Конституционное право на образование и гарантии его реализации в негосударственных образовательных учреждениях. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

FREEDOM OF TEACHING AND CREATIVE WORK IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF INDIVIDUALS AND CITIZENS

M. V. Rostova

The article investigates the relationship between the constitutional freedom of teaching and creative work with other constitutional rights and freedoms of man and citizen. The author argues that the State in a democratic society and under the constitutional organization of power should prefer the form of professional self-government to direct state control of higher education. The legal sense of Part 1 of Article 44 of the Constitution of the Russian Federation implies that the legislator and courts should proceed from the presumption of good faith of educational organizations and their faculty, appropriate quality of educational services provided by them unless otherwise proven in corresponding legal proceedings.

Keywords: freedom of teaching, right to education, freedom of creativity, inviolability of private life, protection of constitutional rights and freedoms.

References

1. Roan'ya I. Zashchita prava na uvazhenie chastnoj i semejnoj zhizni v ramkah Evropejskoj konvencii o zashchite prav cheloveka. Voronezh: Ehlist, 2014.
2. Seragina S.L. Konstitucionnoe pravo na vysshee obrazovanie v Rossijskoj Federacii. Dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2006.
3. Lando A.S. Ob opyte raboty Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Saratovskoj oblasti // Zashchita prav cheloveka v Povolzhskom regione: opyt i perspektivy. SPb. – Saratov: Norma, 2001.
4. Teplyakova O.A. Konstitucionnoe pravo na obrazovanie i ego obespechenie v deyatelnosti organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii i organov mestnogo samoupravleniya. Dis. ... kand. jurid. nauk. Tyumen', 2005.

Stolbushinskaya O.N. Zashchita prava na obrazovanie po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii. Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005.

6. Tret'yak N.V. Konstitucionnoe pravo na obrazovanie v Rossijskoj Federacii. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2011.

7. Smirnova M.V. Konstitucionnoe pravo na obrazovanie i garantii ego realizacii v negosudarstvennykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyah. Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.